

Александр Грин

Возвращение «Чайки»



Александр Грин
Возвращение «Чайки»

«Public Domain»

1910

Грин А. С.

Возвращение «Чайки» / А. С. Грин — «Public Domain», 1910

Рисковая жизнь портовых контрабандистов... © FantLab.ru

Содержание

I	5
II	8
III	10
IV	13

Александр Степанович Грин

Возвращение «Чайки»

I

Черняк сел на большой деревянный ящик, рассматривая обстановку низкого, сводчатого помещения.

Известка в некоторых частях стен обвалилась, и эти, словно обглоданные, углы выглядели угрюмо, в то время как три хороших цветных ковра висели неподалеку от них, стыдливо расправляя в таком неподходящем для них месте свои узорные четырехугольники.

Несколько деревянных скамеек торчали вокруг стола, заваленного самыми разнообразными предметами. Толстая связка четок из розового коралла валялась рядом с пятифунтовым куском индиго:¹ куски материи, валики скатанных кружев, ящики с сигарами, жестяная коробка, полная доверху маленькими дамскими часиками; нераспечатанные бутылки с вином; пачка вееров, маленький тюк перчаток и еще многое, чего нельзя было разглядеть сразу. Три койки, из которых одна выглядела меньше и легче, потянули Черняка к своим заманчивым одеялам; он только вздохнул.

Человек, сидевший у заткнутого свертками тряпок окна, встал и подошел к прибывшим, попыхивая короткой трубкой. Свеча, посаженная на гвоздь, торчавший из стены, бросала впереди этого человека уродливую огромную тень, совершенно не идущую к его невыразительным, крупным чертам, вялому взгляду и прямой, крепкой фигуре. Он был гладко причесан; одет, как одеваются матросы на берегу – смесь городского и корабельного.

– Теперь познакомимся, – сказал первый вошедший с Черняком. – Имя мое Шмыгун, а этого господина Строп,² потому что он хочет всегда много. А вы?

Черняк назвал себя.

– Имею основания, – сказал Шмыгун, – думать, что это тоже не имя. Впрочем, вы в этом свободны.

Он повернулся и вышел за дверь; тогда Строп сел против Черняка, положил руку на колени, вынул изо рта трубку и осведомился:

– Где вы плавали?

– Нигде.

Строп задержал дым, отчего щеки его как бы вспухли, поднял брови и похлопал слегка глазами.

– Хорошо плавать, – заявил он через минуту несколько сухим голосом. Слова его падали медленно и тяжеловесно, словно прежде, чем произнести их, он каждое зажимал в руке, потихоньку рассматривал, а затем уже выбрасывал эту непривычную тяжесть. – Ну, а дела как?

– Скверно.

– Скверно?! – Строп подумал. – Это хорошо, – с убеждением произнес он.

– Разве? – улыбнулся Черняк. – Что хорошо?

– Плавать хорошо, – сказал Строп. – Чудесная работишка!

Черняк молчал. Тусклые глаза моряка обратились к двери – вошел Шмыгун. В руках у него были две тарелки, под мышками, с каждой стороны тела, торчали увесистые бутылки. Он подошел к столу, где не было свободного уголка даже для воробьиного ужина, и приостановился, но тотчас же поднял ногу, ловко отстранил ею с краю стола разную рухлядь.

¹ Индиго – синяя краска, добываемая из растений.

² Строп – особый канат для поднятия груза.

– Я тебе помогу, – сказал Строп, когда Шмыгун поставил тарелки и принес нож. – У тебя руки заняты.

– Помоги есть! – Шмыгун пододвинул скамейки, вытащил пробки. – Кушайте, господин Черняк!

Черняк взял кусок хлеба, откусил, и вдруг им овладело тяжелое, голодное волнение. Ноги запрыгали под столом, проглотить первый прием пищи стоило почти слез. Он справился с этим, удерживаясь от хищного влечения истребить моментально все, и ел медленно, запивая мясо вином. Когда он поднял наконец голову, пьяный от недавней слабости, еды и старого виноградного сока, восторг сытости граничил в нем с состоянием полного счастья. Черняк хотел встать, но почувствовал, что ноги на этот раз лишние, он неспособен был управлять ими. Действительность начинала принимать идеальный оттенок, – лучшее доказательство благодатного охмеления. Вино и сон кружили ему голову.

Шмыгун сказал:

– Держитесь! Мы поговорим завтра. Сейчас я вас уложу.

– Хорошо спать! – произнес Строп. Улыбка медленно проползла по его лицу и скрылась в жуящем рте.

– Кто вы? – спросил Черняк.

– Я?? – Шмыгун хмыкнул, оттягивая нижнюю губу. – Моя специальность – натянутые отношения с таможней. В сущности, я благоденствую, потому что извольте-ка купить дешево то, что с таможенной пломбой стоит, пожалуй, втрое против настоящей цены.

– Я понял, – сказал Черняк. – Вы портовый контрабандист!

– Затем, – продолжал Шмыгун, как бы не расслышав этих слов, – недавно я лишился хорошего компаньона; молодой был, проворный и сообразительный. Умер. Царапнули его неподалеку, в заливе, с кордона ружейным выстрелом. Я уцелел. А вы – чем вы хуже его? Я умею определять людей.

Черняк хотел что-то ответить, но не мог и закрыл слипающиеся глаза. Когда он открыл их, помещение тонуло в колеблющемся тумане. Дверь хлопнула, шум этот заставил его вздрогнуть; он сделал усилие, повернулся и увидел взволнованное, сияющее лицо, оставившее в нем впечатление мгновенного эффекта воображения. Глаза девушки, лучистые, удивленные при виде его, беспокоили Черняка еще, пожалуй, в течение десяти секунд, затем он мгновенно потерял слабый остаток сил и уснул, склонив на стол голову. Впрочем, это не было еще окончательной потерей сознания, так как он слышал возбужденный, невнятный гул и испытывал нечто похожее на потерю веса. Это Шмыгун и Строп несли его на кровать...

.....

– Катя, он будет жить с нами, я встретил его на улице.

– Мне все равно. – Девушка подпрыгивала и вертелась, хватая брата за плечи и голову, как будто хотела раздавить их в избытке радости. – Шмыгун, она пришла, на рейде, и выгружается завтра!

– Как?! – побледнев от неожиданности и смутной тревоги, что не так понял сестру, сказал Шмыгун. – Катя, в чем дело?

– «Чайка» здесь! Можешь не верить. Завтра увидишь сам. Я ущипну тебя, Шмыгун, за шею!..

Контрабандист посмотрел на девушку особенно крепким взглядом, отер ладонью вспотевший лоб, взглянул на вытаращенные глаза Стропа, на спящего Черняка и опять на девушку. Потом начал краснеть. Кровь прилиwała к его лицу медленно, как будто соображая, – не подождать ли.

– Как хорошо! – вдруг крикнул Строп, и снова лицо его стало вялым, только внутри глаз, на самом горизонте зрачков, засветились ровные огоньки.

– Шмыгун, я ходила к Ядрову, старик болен. Сын его говорил со мной, пожал плечами, заявил, что ровнешенько ничего не знает, – когда придет «Чайка», и начал за мной ухаживать. Я отбрила его в лучшем виде. Потом была в гавани, у «Четырех ветров», но и с той шхуны не было ничего сказано. Я подходила к дому, и так мне хотелось плакать – все нет, все нет, – что топнула ногой, потому что слез не было. Встретила человека – он у тебя бывал – не помню его имени. «Хорошее дельце мы обработаем с вашим братцем», – говорит он. Я промолчала. «Уже», – говорит он. «Что – уже?» – закричала я так сердито, что он отступил. Ну... вот как! Он рассказал мне, что корабль тут, и я пустилась бегом. Чудесно!

– Я иду, – тихо сказал Шмыгун, дрожа от безмерной радости, наполнявшей все его тело звонкими ударами сердца. – Идем, Катя, и ты, Строп, я хочу видеть собственными глазами. Невероятный день. Ты помнишь, сестра, сколько раз пришлось тебе сбегать в гавань, спрашивая на всех палубах, не видал ли кто белой шхуны с белой оснасткой, белой от головы до ног?!. Возможно, что действительно все кончено. Трудно поверить, я верю и в то же время не верю.

– Верь!

Девушка подошла к кровати, на которой лежал Черняк, и некоторое время рассматривала его, поджав нижнюю губку.

– Откуда ты взял его? – спросила она у Шмыгуна, все еще бессознательно улыбаясь торжественной и драгоценной для всех новости. – Он совсем молод; ты будешь учить его?

– Учить? – рассеянно спросил Шмыгун. – Чему? Просто он мне понравился, и – ты знаешь – я не люблю расспросов.

II

Когда Черняк проснулся, был день. Он сидел на кровати, протирая глаза, слегка смущенный чувством полной неопределенности положения. Но это прошло тотчас же, как только он услышал яростный удар кулака по столу и увидел, что в комнате никого нет, за исключением Шмыгуна.

Лицо его трудно было узнать – даже не бледное, а какого-то особенного, серого цвета свинцовых грозовых туч, оно показалось Черняку в первый момент отталкивающим и враждебным. Заметив, что Черняк встал, Шмыгун, молча, уставился в лицо гостя порозовевшими от крови глазами.

– Я, может быть, разбудил вас, – заговорил он. – Но я в этом не виноват, потому что у меня горе. Видели вы меня вчера таким? Нет!

– Расскажите и успокойтесь, – проговорил Черняк, – потому что горе, в виде одного слова, – пустой звук. Что случилось?

Явное желание заговорить обо всем, что пришлось ему вынести, выразалось в лице Шмыгуна, но он колебался. Впрочем, решив, что все равно – дело погибло, – мысленно махнул рукой и сказал:

– Да, вы имеете право на это, потому что нужно же было мне привести вас сюда в то время, когда мы потеряли голову, а вы шатались без ночлега. Судьбе, видите ли, было угодно вывернуть счастье наизнанку; получилось несчастье. Лет десять назад я спас одному человеку жизнь. Спас я его из воды, когда он плюхнулся туда с собственного баркаса и сразу пошел ко дну. Звали его Ядров; полмиллиона состояния наличными, да столько же в обороте, да еще восемь хороших кораблей. Его можно было спасти только из-за одного этого. Благодарность свою он мне выражал слабо, то есть никак, и я долго ломал голову, как бы, несмотря на его скупость, поправить собственные дела. И вот боцман с одной шхуны говорит мне: «Возишься ты по мелочам, дамские шелковые платки и подмоченные сигары – плохой заработок; есть вещи, стоящие дороже». Короче – столковались мы с ним, что он привезет тысяч на пятьдесят опия, а денег на это дело уговорил я дать Ядрова с тем, что капитал свой он получит обратно, немедленно, по возвращении судна, с условием, что я оставлю за сбыт товара половину чистой прибыли – остальное ему. Для нас это было бы достаточно, но пропал проклятый корабль, и вместо шести месяцев проштатался полтора года. Ночью сегодня узнаю я, что наконец судно на рейде, и утром, пока вы спали, помчался, как молодая гончая, к Ядрову.

Шмыгун перевел дух, – сердце его дольше не могло выдержать, – и изо всей силы треснул ногой в дверь, так, что задрожала стена.

– И вот, – продолжал он, – как велика была моя радость, так бешена теперь злоба. Ядров умер; умер от удара не дальше, как этой ночью; его сын чуть не выгнал меня в шею, крича вдогонку, что, может быть, если я пришло к нему Катю, мою сестру, – мы еще уладим дело. Может быть, он был пьян, но мне от этого несколько не легче. Конечно, он преспокойно заплатит пошлину и продаст наш драгоценный товар для собственного своего удовольствия.

Черняк слушал, недоумевая, что могло так мучить контрабандиста. Логика его была совершенно ясна и непоколебима; если что-нибудь отнимают – нужно бороться, а в крайнем случае, отнять самому.

– Вас это мучает? – спросил он, посмотрев на Шмыгуна немного разочарованно, как будто ожидал от него твердости и инициативы. – А есть ли у вас револьвер?

Фраза эта произвела на Шмыгуна сложное впечатление; он понимал, что хочет сказать Черняк, но не представлял ясно последовательного хода атаки. Во всяком случае, он перестал сомневаться и сел, тщательно прожевывая решение, только что подсказанное Черняком.

– Разве так, – сказал он, прищуриваясь, как будто старался разглядеть Ядрова, развлекаемого видом шестиствольной игрушки. – Хорошие вы говорите слова, но это надо обдумать!

– Подумаем, – произнес Черняк.

– Но прежде дайте-ка вашу руку, – продолжал Шмыгун, – и продержите ее с минутку в моей.

Пристально смотря в глаза Черняку, он стиснул поданную ему маленькую городскую руку так сосредоточенно и внимательно, как будто испытывал новый музыкальный инструмент. Но рука эта была суха, крепка, не вздрогнула – рука настоящего человека, не отступающего и не раздумывающего.

III

Лодка выехала в чистую синеву бухты прямой линией. Строп сердито держал руль и, может быть, первый раз в жизни выражал нетерпение. Черняк задумчиво улыбался. Дело это казалось ему верным, но требующим большой твердости. Вообще же близкое приключение вполне удовлетворяло его жажду необычайного.

Шмыгун греб и смотрел по сторонам так сухо и неприветливо, что, казалось, сама вода несколько подсыхала сверху от его взглядов. Относительно Черняка он думал, что этот молодец сделан не из песка. Впереди, белея и вырастая, дремала «Чайка».

Глубокое волнение охватило Шмыгуна, когда шлюпка стукнулась о борт корабля – этого радостного звука он дожидался полтора года. Несколько матросов подошли к борту, разглядывая прибывших.

– Где боцман? – спросил Шмыгун вахтенного.

Матрос не успел ответить, как приземистый человек с пронизательными глазами подошел к Шмыгуну, и руки их застыли в безмолвном рукопожатии.

Черняк и Строп отошли в сторону. Боцман с контрабандистом говорили быстро и тихо. Со стороны можно было подумать, что речь идет не о ценном товаре, запрятанном в таинственных уголках, а о новостях после разлуки.

– Слушайте! – сказал Шмыгун, подходя к Черняку. – Он здесь, внизу, в каюте.

Черняк посмотрел на боцмана; обугленное лицо моряка ясно показывало, что человек этот далек от неудобных для него подозрений.

Тогда он выпрямился, чувствуя, с приближением решительного момента, особую, тревожную бодрость и нетерпение. Строп стоял рядом с ним, неподвижный, хмурый, с вялым, немым лицом.

Деловой ясный день взморья продолжал свою суету: на палубе перекачивали бочонки, мыли шлюпки.

Недавняя определенная решимость боролась в Черняке с трезвыми глазами рабочего дня и обстановкой, способной убить всякое убеждение. Он опустил руку в карман, ощупывая револьвер, и заявил, обращаясь к боцману:

– Я приехал с вашим знакомым, собственно, по своему делу. Есть у меня разные маклерские поручения, а мне сказали в конторе, что молодой хозяин сейчас тут. Как бы пройти к нему?

Прежде чем боцман успел открыть рот, Шмыгун сказал:

– Не думаю, чтобы ты принял меня сухо. И так невесело жить на свете!

Моряк ослабился.

– Пройдите шканцы³ – на юте⁴ спуститесь вниз по трапу, а из кают-компания – первая дверь налево, Э 1. Молодой Ядров сидит там. Он, кажется, рассматривает судовые бумаги.

Слова эти относились к Черняку, и тот, не ожидая результатов – тонких намеков Шмыгуна относительно выпивки, пошел вперед, невольно замедляя шаги, потому что Строп, следовавший за ним, двигался так же вяло и неохотно, как всегда. Заложив руки в карманы, он производил впечатление человека, прокисшего от рождения.

Черняк шумно вздохнул и спустился в кают-компанию.

Цифра один, криво выведенная над дверью черной масляной краской, поставила между ними, пришедшими сделать отчаянную попытку, – еще одного, третьего. Третий этот сидел за дверью и был невидим пока, но уже начался мысленный разговор человека, обдумавшего

³ Шканцы – часть верхней палубы между средней и задней мачтами судна.

⁴ Ют – кормовая часть верхней палубы судна.

план, с тем, третьим, которому предстояло ознакомиться с этим невыгодным для него планом путем тяжелого, неприятного объяснения. Впрочем, когда Черняк взялся за ручку двери, все придуманные им начала покинули его с быстротой кошки, облаянной цепным псом. Весь он сразу стал пуст, легок и неуклюж, как связанный.

Но тотчас же открытая им дверь превратила его растерянность в туго натянутую цепь мыслей, в сдержанную отчаянную решимость. Через секунду он уже чувствовал себя хозяином положения и вежливо поклонился.

Подняв голову, он увидел неприветливое лицо Ядрова. Купец прищурился, встал; гримаса неудовольствия была первым безмолвным вопросом, на который Черняку приходилось отвечать надлежащим образом. Он выпрямился, взглянул на Стропа, и тотчас же флегматичная фигура матроса встала у двери, загораживая могучей спиной ее неприкрытую щель.

– Позвольте мне сесть... – сказал Черняк и сел так быстро, что привставший Ядров опустился уже после него. – Я принужден с вами разговаривать, мне это самому неприятно, потому что тема щекотливая и забавная.

Ядров вспыхнул.

– А не угодно ли вам выйти на палубу, – сказал он, – и разговаривать там таким образом, как вы разговариваете сейчас, с корабельным поваром? Я думаю, это для вас самая подходящая компания.

– В таком случае, – глухо сказал Черняк, – я вынужден быть кратким и содержательным, и первый мой аргумент – вот это!

С этими словами Черняк вытащил из кармана револьвер так медленно и неохотно, как будто подавал спичку неприятному собеседнику. Но маленькое короткое дуло, блеснув в свете иллюминатора, метнулось к лицу Ядрова быстрее, чем он сообразил, в чем дело.

Черняк посмотрел на Стропа и успокоился. Матрос расправлял руки.

– Вот этого с вас, пожалуй, будет достаточно, – сказал Черняк. – Есть ли у вас хорошая плотная бумага? На ней нужно написать следующее: «Боцман, ваш друг Шмыгун приехал сегодня по делу, известному вам так же хорошо, как и мне, от моего умершего отца. Отдайте начинку Шмыгуну».

– Плохой расчет, – сказал Ядров, притягивая улыбку за уши, – я понял все. Вы и ваша гнусная компания пострадаете от этой рискованной операции тотчас же, как только сядете в лодку. Неужели вы думаете, что я не поговорю с таможеней и что она откажется заработать приблизительно двадцать тысяч?

– Непростительная наивность, – сказал Черняк, – потому что вы будете молчать, как дохлая рыба, по очень простой причине: шхуна принадлежит вам. И если таможенным было бы приятно заработать хороший куш, то вам, я думаю, потерять сто тысяч штрафа совершенно нежелательно. Берите перо.

Петр взял бумагу. Она лежала перед ним с явно угрожающим видом: в близине ее чувствовались тоска насилия и горькая необходимость. Рука его то приближалась к бумаге, то судорожно отклонялась прочь, словно он сидел на электрической батарее. Беспомощно горел мозг; он стал писать, и каждое слово стоило ему усилий, похожих на прыжок с третьего этажа. Все это совершалось в глубоком молчании, нетерпеливом и тягостном.

– Возьмите, – сказал Ядров, – и делайте что хотите.

Черняк встал, сжимая бумагу так же крепко, как револьвер. Ему было почти весело. Он посмотрел на Петра и вышел.

Ядров и Строп обменялись взглядами. Глухая ненависть кипела в Петре, он весь вздрагивал от безумного желания закричать, позвать на помощь, выругаться. Сонный вид Стропа внушил ему некоторую надежду – матрос мог попасться на хорошо придуманную уловку. Ядров сказал:

– Ну, что же? Все кончено! Вы слышали? Теперь я уже не могу помешать вам! Пустите меня или уйдите!

Он подошел к двери. Строп растопырил руки, в лице его не было ни угрозы, ни возбуждения. Спокойно, лениво и просто, как всегда, матрос сказал:

– Не хотите ли покурить? Сядемте и подымим малость. Курить – хорошо!

Боцман провел Черняка и Шмыгуна прямо из подшкиперской в трюм, где, пробираясь ползком между грудями самого разнообразного груза, наваленного почти до палубы, они добрались к основанию фок-мачты, а там, повернув налево, по груде ящиков с мылом, взобрались к верхним концам тимберсов.

То, что составляло предмет стольких треволнений, тревог и неожиданностей, таилось за внутренней, фальшивой обшивкой борта. Работа совершалась с быстротой и треском: торопиться было необходимо. Взломав обшивку, боцман вытащил и побросал вниз до полусотни маленьких деревянных ящиков, весом каждый около двух фунтов. Увязав добычу в куски брезента, приятели поднялись на палубу.

– Пойдите минутку! – сказал Черняк, сообразив, что надо освободить Стропа от его невольной обязанности.

Он снова прошел в каюту, холодно поклонился Петру, вышел вместе с матросом и запер Ядрова двойным поворотом ключа. Тотчас же глухой яростный стук присоединился к шуму их шагов и затих, потому что «Чайка» строилась из прочного материала.

IV

Утром, когда все еще спали и солнце тускло бродило по задворкам, играя сонными отблесками в молчаливом стекле окон, Черняк встал, разбуженный легким прикосновением еще накануне бессознательной, но теперь окрепшей во сне мысли. Это не было усталое, флегматичное пробуждение изнуренного человека – он был свеж и бодр, полная ясность ощущений и памяти наполняла его чувством нетерпеливой радости. Ему казалось, что совершилось огромное и важное, после которого все легко и доступно. В кармане его звенело золото, – часть вырученного от операции с опиумом, и он чувствовал себя богатырем жизни, свободным в ней, как рыба в воде.

Черняк посмотрел на спящих. Вот исполняются мечты каждого. Девушка не будет нуждаться: любовь, наряды и удовольствия к ее услугам. Шмыгун, вероятно, купит дом и обрасстет мохом, Строп пустится в открытое море с чувством человека, отныне могущего воспользоваться всем тем, что ранее было для него недоступно. Молча, с вялым лицом, но восхищенный в душе, он будет говорить еще чаще: «Хорошо!»

Да, узел развязан. Разрублен.

Действительно, – случайно, навстречу одному из интересных людских положений – попал он к узлу событий, где было два одинаково важных центра: воплощение чужих грез и собственный, могучий толчок жизни, содержанием которой являлось для него все, что пестрит, сверкает и мучает сладкой болью, как фантастический узор цветущей лесной прогалины, полной золотых водоворотов солнца, цветной пыли и теплого дыхания невидимых лесных обитателей, мелькающих воздушными очертаниями под темным навесом елей.

Делать ему здесь более было нечего: размотался клубок, и за последний конец нитки держался он, зная, что все дальнейшее не даст больше ни одного штриха его болезненной жажде – гореть с двух концов сразу, во всех уголках мира, одновременно и неизбежно.

Черняк посмотрел на Катю, сонный изгиб стройного тела пленил его на мгновение ярким контрастом влекущей женственности с неряшливым полутемным подвалом, где золото и опасность, лишения и достаток мешались в пестром калейдоскопе.

Сложнейшие движения духа роились в нем сильно и гармонично, сразу открывая настоящий, единственный выход в мировой простор, по отношению к которому трое спящих вокруг него людей делались чем-то вроде тюремных замков.

Черняк не мог, не в силах был представить, что будет дальше; ничего такого, что могло бы служить достойным продолжением пережитой страницы жизни, не видел он в этих четырех стенах, покрытых случайными коврами, ободранной штукатуркой и плесенью.

Все спали. Момент был удобен как нельзя более; уйти – без разговоров и сожалений, расспросов и остановок.

Куда? На момент Черняк остановился, стараясь зажать в стальной кулак мысли цветущий земной шар, где много места для нетерпеливых движений радости.

Черняк потер лоб и вдруг зажмурился, охваченный жгучим светом простой и ясной, как ногой человек, истины:

«Неизмеримо огромна жизнь. И место дает всякому, умеющему любить ее больше женщины, самого себя и короткого тупого счастья».

Черняк надел шляпу. Дверь скрипнула. Уходя, он бессознательно оглянулся, как это делает всякий, покидающий уютившее его место. Но в комнате уже не было сна: с кровати, приподняв взлохмаченную пушистую голову, смотрела на него девушка.

– Куда вы? – спросила она тоном вежливой, случайной необходимости. Глаза ее смыкались и размыкались; она ждала незначительного ответа, после которого можно опять уснуть.

– Прощайте! – сказал Черняк, улыбаясь так легко и безобидно, как будто выходил на минутку. – Я уйду, и совсем. Кланяйтесь Шмыгуну.

Мгновение, и Катя стояла перед ним с тревожным выражением на пунцовом от крепкого сна лице.

Вопросы срывались с ее губ быстро и бестолково:

– Куда? Почему? Вы нашли другую квартиру? Вы больны? К доктору?

– Нет! – произнес Черняк, избегая ее глаз, тревожных и влажных, как темное вечернее поле. – Я уйду пожить, потому что жил мало и потому, что больше здесь делать мне нечего.

Он насчитал еще сотню вопросов в ее лице, оторопевшем от неожиданности, и что-то похожее на просьбу, но уже не думал об этом.

Последняя мысль его была о том, что девушка эта красива, как песня, прозвучавшая на заре, и что много на земле красоты, дающей радость глазам и отдых сердцу, когда оно бьется медленней, усталое от истрепанных вожжей буден.

Он попытался улыбнуться еще раз так, чтобы слова сделались лишними, но не смог и махнул рукой.

На пороге он еще раз обернулся; последние слова его прозвучали для девушки обрывком сна, нарушенного внезапно:

– Родители мои еще живы. Я убежал от них тайком, потому что меня хотели сделать бледным, скучным, упитанным и добродетельным. Короче – мне предстояла карьера взрослого оболтуса, профессионально любящего людей. Немного иначе, но то же было бы здесь. Прощайте! И если можно вас любить так, как я люблю всех женщин, потому что я хочу все, оставьте мою любовь.

Выйдя на улицу, Черняк миновал сеть узеньких переулков, обогнул здание таможни и вышел к морю.

Лес корабельных мачт, среди которых торчали парходные трубы, отполированные стальные краны, облака каменноугольной пыли, гул, звон, глухое пение содрогающейся от бесчисленных возов и телег земли – все отдалось в его вымытой утренним солнцем душе прямым спокойным ответом на вопрос, заданный себе десять минут назад. Всесветная синяя дорога – море, и каждый день много отходит кораблей, и есть золото, и он молод!

А мир велик... И море приветствовало его.